

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево

Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи
Натурщица
Вкус жизни

Диалогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

ОЛЕГ
РОЙ

Натурщица

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*
Оформление серии *Дарьи Васильченко*
Иллюстрация на обложке *Mila Read*

Рой, Олег.
Р65 **Натурщица : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.**

ISBN 978-5-04-198957-6

Мечтательная Сима с детства любила придумывать свое «кино», фантазируя о принцах из далеких стран. Однако судьба никогда не была к ней благосклонна, заставляя ее вновь и вновь преодолевать трудности и собирать себя по кусочкам. Настрадавшись из-за предательств мужчин, она решает круто повернуть свою жизнь, сменив профессию и переехав в большой город. Но что, если детские фантазии вдруг станут явью? И загадочный принц материализуется на пороге салона красоты, в котором работает девушка?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198957-6

© **О. Рой, 2024**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026**

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Пролог

«Вот стыдоба, — пронеслась в голове Симы паническая мысль, затрепетала испуганным воробушком. — Стыдобища... Как я только могла на это согласиться, дура... Что я тут делаю?! Сижу голая перед мужиками. Кошмар, просто кошмар...»

«Не голая, а обнаженная», — тут же возразил в ее же, Симиной, голове голос Ани, администратора арт-пространства, художественной студии «Четвертое место».

— Не голая, а обнаженная, — подняв палец, поправила Анна, когда они беседовали перед самым началом сеанса живописи, на который Сима согласилась прийти. — Есть разница. Это в бане, извините, голые. И на нудистском пляже. А здесь вы — модель. Мне не особенно нравится слово «натурщица», но оно просто издавна прижилось, да и полностью отражает суть. На-ту-ра. То есть натуральная, без одежды. Природная. Помните, как у Пруtkова? «Тихо над Альгамброй, дремлет вся натура...» То есть природа дремлет.

Нет, Сима не помнила, «как у Пруtkова». Она, собственно, даже не знала, кто он такой, этот Пруtkов. Кажется, в школе такого поэта не проходили. Учительница русского и литературы у них была просто ужасная, всего за несколько лет она ухитрилась напрочь отбить у всего класса любой интерес к чтению.

Олег РОЙ

— «Дремлет замок Памбра, спит Эстремадура», — весело продолжала декламировать Анна.

— Не помню, — вздохнула Сима. — То есть очень смутно. Анна внимательно взглянула на нее.

— Да и не надо, — неожиданно смягчившимся тоном сказала она. — Вам же не экзамен по литературе тут сдавать. Это Козьма Прутков, он мне просто нравится. «Дайте мне мантилью, дайте мне гитару, дайте Инезилью, кастаньетов пару» — ну и так далее.

Сима вежливо улыбнулась.

— Ну вот, — улыбнулась и Анна. — Развеселились наконец. А то вы что-то совсем оробели. Представьте, что вы просто... в костюме Евы. И все.

— Ну да... И все... — вновь растерянно пробормотала Сима.

— Да вы не волнуйтесь! — заверила Анна. — Все будет в порядке. Преподаватели практически все мужчины, и ассистенты-помощники (сегодня это Константин) тоже, но какая вам разница?! Вы пришли на работу, вот и все.

— А зачем ассистенты? — испугалась Сима.

— Обогреватели подключить, натуру посадить как нужно, печеньки принести, воду в кулере поставить, если кончилась, — отмахнулась Аня. — Обычное в процессе дело.

Они уже шли по коридору.

— А долго меня сегодня будут рисовать? — поинтересовалась Сима на ходу.

— Писать, — поправила Аня. — Это будет сеанс живописи. Обычно, когда собирается группа художников, сеанс длится часа четыре. Не пугайтесь — часы академические. То есть по сорок пять минут. Ну, плюс-минус. И минут пять-десять пере-

Натурщица

рыв. Здесь не особо строго, не по звонкам, все же не учебное заведение. Это делается в основном для моделей, чтобы художники их не уморили. Шучу. За этим тоже, кстати, ассистент следит, а то художников иногда заносит, остановиться не могут, а моделям отдых нужен. Можно и во время позирования разминаться, не застывать столбом — это ведь тяжело, особенно с непривычки. Можно чаю попить, кофе. Там кулер в углу, чашки одноразовые. Сахар, ложечки. Сушки какие-нибудь. Так и скажете, если что — «перерыв на чай», ничего страшного. Главное — удобно сесть, чтобы не затекало ничего. Расслабиться и просто думать о своем.

— Да уж, подумать ой как много над чем нужно, — вздохнула Сима. — А в обычной жизни просто сидеть некогда — то одно, то другое...

— Вот именно, — улыбнулась администратор. — И да, сегодня не новички, а нормальные художники, у некоторых звания. Так что все серьезно.

Сима вдруг остановилась и всплеснула руками:

— Ой! Я растяпа...

— Что такое? — не поняла Аня.

— Я паспорт забыла, — огорченно ответила Сима. — И что теперь делать?

— Да ну, ерунда какая, — усмехнувшись и махнув рукой, сказала Аня. — Он вообще не нужен. Вы же не в штат устраиваетесь, да у нас и штата натурального как такового нет — всякий раз договариваемся с конкретным человеком. Деньги в конвертике получите, так что вообще о паспорте забудьте — вот еще... Ну, с богом. Все получится. Костя вам все объяснит. Да, Костя?

— Аск, — солидно кивнул тот и вдруг заразительно улыбнулся: — Еще не раз захотите нас посетить, у нас классно.

Олег РОЙ

Костя был молодым, густо заросшим бородой, очень приветливым и легким в общении, так что Сима еще больше успокоилась.

Хорошо, что ей изначально разрешили сидеть в трусиках телесного цвета. Хорошо, что она к своим тридцати пяти годам не набрала жирка. Тогда бы вообще не знала, куда деваться от конфуза. Волшебный обмен веществ, гены и природная умеренность в еде позволяли ей долгие годы после девичества оставаться худощавой.

Нет, внешность и фигура Симы не были модельными. Ей очень подходило определение «нормальная». Такая средне-статистическая шатенка с глазами цвета чая и тихой улыбкой.

Сейчас она сидела на самом обыкновенном стуле, на сиденье которого была брошена плоская подушечка, а на спинку — белая драпировка. Сам стул стоял на подиуме, рядом помещался другой стул, куда Сима стыдливо положила свой халатик — до того как в аудиторию войдут работать художники, надо было подготовить саму постановку.

— Так, электрический свет нам для живописи не нужен, тем более сегодня дневной хороший, — приветливо бросил Костя, убирая в угол треногу, на которой был закреплен софит, и пошире распахивая шторы. — Не переживайте, с улицы вас не видно.

Сима опять незаметно перевела дух.

— Садитесь, как вам будет комфортно, — ободряюще продолжал помощник. — Стоя вам без навыка будет сложно, да и надо ли? Ничего, напишут сидящую натуру. Голову чуть вправо. Можно правую ногу чуть вперед? Спасибо. Руку правую просто положите на бедро. Да, на правое. А левую руку...

Он задумался.

Натурщица

— Сможете левую руку положить сзади на сиденье стула? Да, так хорошо. Только сильно опираться не надо, а то рука затечет... Отлично, то, что нужно. Хорошая пластическая поза.

Сима улыбнулась уголком рта. Она — «хорошая пластическая поза». Она — функция. Не живая Серафима Викторовна Смирнова, а что-то вроде гипсовой пирамидки. Голая... то есть обнаженная гипсовая пирамидка в трусиках телесного цвета. В костюме Евы. Ну и пусть. Деньги нужны очень, особенно сейчас, когда напасть за напастью. А здесь ей обещали более чем хорошие деньги... За четыре академических часа. И ничего не делать. За маникюр она получала гораздо меньше. Да вообще деньги обещали такие, что можно было подумать, что... но о таком лучше как раз не думать.

Сима честно пыталась представить, что она не голая, а именно что в костюме Евы. «Спит Эстремадура. А я тут как дура», — сочинились строчки, и она чуть не фыркнула, но сдержалась. А то войдут и подумают, что она вправду дурочка — сидит в одиночестве и хихикает.

И вот они вошли, художники, писать ее, Симу, и сердце сделало кувырок, дыхание чуть сбилось, а к щекам прилил жар. Они, конечно, не все разом зашли, а втекали неспешными ручейками — одна фигура, вторая, третья... Сима наблюдала искоса, боковым зрением, сидя прямо, словно аршин проглотила. Она должна здороваться? Или они? Или... Как это вообще тут принято?

— Ну, что, приветствую вас, коллеги, — негромко сказал вошедшим Костя, — модель на месте, и я не буду вам тут отвесивать и мешать. Но если что, зовите, я рыдышком, вы знаете где.

Олег РОЙ

И ушел. «Представляете?!» — трепыхнулось в голове последнее паническое, и Симу внезапно отпустило.

Все. Ее ведь никто не ест, можно расслабиться. Тем более что, судя по окружающим, ничего особенного не происходит. Значит, надо настроиться на обычный рабочий лад. Она — пластическая фигура, и все тут.

Самое время подумать, «как же она дошла до жизни такой»...

ЧАСТЬ I

Как Сима дошла до жизни такой

Глава 1

«НУ ЧТО, СТРЕКОЗА, ОТЛЕТАЛАСЬ?»

А жизнь на периферии не сахар.

Кто рожден в большом городе, тому абсолютно неведомы проблемы маленьких городков, тем паче сельских поселений, а уж деревень-то...

Такая неаппетитная подробность, как отхожие места, к примеру. (Если кто за столом в данный момент, то прошу прощения за то, что на какое-то время придется отложить вилку.)

Так вот, двадцать первый век, на минуточку. Ну ладно, конец двадцатого. Но все равно! Кто-нибудь может вообразить, что в двухэтажном деревянном доме на несколько семей туалетом может быть самая обыкновенная, извините, дыра в деревянном стульчаке? Зачем нам об этом думать, скажете вы. Да затем, что «цивилизация начинается с канализации». А мы же люди цивилизованные, правда?

Ну хорошо, оставим этот вопрос. Но и все прочие темы периферии далеки от романтики. «Груба жизнь», как сказал некогда Чехов. Например, если жить в деревне, где практически нет никакой работы, а кушать-то надо и семью кормить.

Олег РОЙ

И, соответственно, как-то до этой работы добираться. Жизнь на отшибе цивилизации, в принципе, чаще всего безрадостна, а не зная истинных ее реалий, можно даже не поверить, что в наше время такое бывает.

Сима родилась в деревеньке Каменка, в Рамешковском районе Тверской области. Деревенька была в десяти километрах от районного центра. Мать Симы, Екатерина Сергеевна, работала бухгалтером в лесхозе и каждый день преодолевала это расстояние — летом на велосипеде, а зимой на автобусе. Остановка же автобуса была не вот чтобы «за углом», а в соседней с Каменкой деревне Прислон — до нее было три километра. Если переполненный автобус проезжал мимо (а такое бывало нередко), то эти десять км приходилось топать пешком. Летом и при хорошей погоде еще было терпимо, а вот представьте, каково это в ливень — когда грязь разъезжается под ногами, а сырой ветер пронизывает до костей. Или когда по нынешним погодкам твои ноги месят сырую ледяную кашу. Не верится и не хочется даже представлять, правда? Но человек ко всему привыкает...

Сима отчетливо помнила, как стояла на дорожке у дома и ждала маму. Это было так волнующе — ждать маму! Сима напряженно всматривалась далеко за горизонт, боясь пропустить главный момент. Она была «впередсмотрящей» и стояла на носу корабля. Когда она была совсем маленькая, ей нравилось думать, что она стоит именно на носу корабля и от того, что она увидит, зависит вся команда. А какая команда? Она сама, Сима, да медведь Топтыжка. Этого медведя подарил ей папа (он тогда был трезвый и добрый), и Сима всегда спала не иначе как с медведем в обнимку. И с собой его брала — встречать маму. Мамин облитый солнцем силуэт на велосипеде по-

Натурщица

являлся в конце улицы, и сердце радостно вздрагивало. Она не знала, как правильно должен кричать впередсмотрящий, и всегда кричала:

— Земля!

Девочка в каком-то фильме видела, что взбудораженный матрос, вцепившись в канат, смотрел на горизонт, размахивал своей шапкой и кричал: «Земля!» — и лицо у него было очень радостное.

— Почему «земля»-то? — смеясь, спросила как-то мама, услышав дочкин ликующий вопль.

Та объяснила как могла:

— Мам, просто очень ты долгожданная! А я как будто на кораблике и вперед смотрю, а тут вдруг ты.

Мама на минуточку задумалась.

— Ну... Если на кораблике, тогда они вроде как кричат: «Прямо по курсу», что ли.

— Я тоже буду кричать: «Прямо по курсу!» — подпрыгнула и захлопала в ладошки девочка.

Как любому ребенку, ей хотелось радоваться жизни, но в их деревне радостей и развлечений было маловато. Жил на их краю мужичок, его все звали Шутник, потому что он, слегка подшофе, любил на улице приставать к односельчанам с вопросом: «Эй, ты чего мои штаны-то надел?! Да я шучу-у!»

Ну или вот сосед, дядя Коля Котызин, — один раз, напившись гораздо сильнее, чем Шутник, он, сбегая со ступенек своего крыльца, не рассчитал силы. Пробежав до заборчика, он ткнулся в него головой, упал да так и заснул. Сима потом играла «в Котызина» — сбегала с крыльца, нарочито шатаясь, пробежала несколько шагов до заборчика, с криком «Бу-ум!» стукнулась в него растопыренными руками, падала и делала вид, что

Олег РОЙ

спит, свернувшись калачиком. Мать хватала ее в охапку: «Горы мое!» — и уносила в дом, а Сима очень веселилась.

Весь мир был для нее игрой, и одно время ей очень нравилась морская тематика. Вероятно, запомнился какой-то из фильмов, которые Сима очень любила смотреть по их старому телевизору. Таращилась глазенками в «движущиеся картинки» с самого младенчества и хорошо под них засыпала. Книжек в их доме почти не было, а уж фильмы — это были потрясающие миры, в которые Сима ныряла с головой.

Как-то раз после сильного дождя у них посреди двора образовалась большая лужа. Для пятилетней Симы она, понятное дело, была морем. Сима надела мамины резиновые сапоги (своих у нее еще не было) и, осторожно подволакивая ноги, стала входить в эту лужу все дальше и дальше, пока не оказалась на самой ее середине. И вода в луже тоже дошла выше, чем до середины маминых сапог. Сердце девочки зашлось от восторга. Она стояла в самом центре моря! И чувствовала себя настоящей Владычицей Морской.

— Я — царица морей, — тихонечко сказала Сима сама себе.

И ей очень это понравилось. Царица морей! Не только этого, а вообще всех! И она стала представлять себе, что начался шторм и поднялись большие-пребольшие волны. Пожалела, что не догадалась сделать ни одного бумажного кораблика, и сама стала раскачиваться, как кораблик. И от нее в самом деле стали расходиться волны. В воображении Сима это были огромные изумрудные валы, обрушивающиеся на беззащитное суденышко. Но получилось так, что Сима не учла ни вязкости дна, ни того, что сапоги были очень не по размеру — и она сама стала беззащитным суденышком. По-

Натурщица

сле очередной раскачки ее маленькое тельце повело в сторону, а сапоги застряли в жидкой каше на дне лужи. И бедная девочка, конечно, плюхнулась, подняв на этот раз настоящую волну, а потом разразившись ревом. Так было обидно! Царица морей, а упала, как будто самая обыкновенная пятилетняя девочка, в самую грязь...

Все дети, заигравшись, могут упасть, экое дело. Но родители на это реагируют по-разному. Кто знает, что было бы, если бы это увидела мама, но та в это время кормила кур на заднем дворе, и падение царицы морей узрел отец. Так Сима узнала новое слово.

— Ах ты, шалава малолетняя! — сердито закричал Виктор Иванович, выбегая из дома.

Брезгливо схватив дочь за бока, он выдернул ее из лужи (один сапог так и остался торчать в ее центре памятником раздавленному царствованию) и держал на вытянутых руках.

— Катька, — воззвал он в сторону курятника. — Забирай шалаву эту! Всю рубаху мне изгадила!

Отец кричал и другие слова, которые Сима уже успела узнать от него, как знала и то, что слова эти нехорошие и ругательные. Он говорил их в те дни, когда от него, как и сейчас, пахло водкой, и Сима давно поняла, что водка — это плохо. Потому что папа кричит на маму и иногда даже дерется с ней. Ну, как дерется. Он, конечно, гораздо сильнее мамы, раз большое полено может расколоть одним ударом колуна, поэтому мама просто его отталкивала, но ей иногда здорово доставалось. Это всегда было очень страшно, и сейчас Сима, пересилив себя, перестала плакать и сжалась в комочек в ожидании развязки.

Развязка наступила очень быстро. Прибежала мама, выхватила Симу из отцовских рук:

Олег РОЙ

— Горе мое! — и отцу: — Да уйди ты, Витька, черт пьяный! Спать иди!

Как ни странно, отец безропотно пошел. Как потом выяснилось, не спать, а «догоняться» — то есть пить дальше.

Было лето, поэтому искупать перепачканного ребенка не составило особого труда. Симины одежды Екатерина Сергеевна сразу бросила в стоящий во дворе таз, а дочку быстро ополоснула водой из бочки, черпая ее висевшим там же ковшом. Вытерла, передела в сухое и забрала с собой. Посадила на траву на старый, но чистый вязаный коврик, закутала в ватник и продолжала кормить кур. А дальше... Сима запомнила суету и тряску и то, как страх от криков пьяного отца перешел в покой, когда она, уже переодетая, сидела на вязаном тряпчонном коврике, а ватник был для нее как одеяло. В тепле и приятной полудреме она вдруг увидела совсем другую картину — вот она сидит на ковре-самолете, рядом трезвый отец в белой рубашке. Мама наливает всем чай, и рядом стоит большое расписное блюдо с ароматными пирогами. Ветер развеивает мамины волосы, и мама такая красивая-красивая, а отец добрый-добрый. Ямочка на щеке. Он когда улыбается, у него на щеке появляется ямочка. Жалко, что он так редко улыбается... И еще птицы поют. То есть птицы кудахтали, как куры, — в воображении Симы.

— Мам, а что такое «шалава»? — вспомнила вдруг Сима.

— Слово нехорошее, — буркнула мать. — Не повторяй всякое.

— Это папа сказал, — не сдавалась пытливая дочь.

— Папа скажет так уж скажет, — хмыкнула Екатерина Сергеевна. — Не повторяй, говорю, плохие слова, бранные. Слушайся мать!

Натурщица

И Сима послушалась и стала «досматривать свой фильм» с ковром-самолетом, ведь это было гораздо лучше, чем нехорошие слова. Вскоре она утрелась под ватником, а потом провалилась в сон, и сон был тоже красочный и радостный. Но когда она проснулась дома под настоящим одеялом, реальность оказалась лишенной красок и наполненной все той же руганью и страхом — отец появился, громыхая чем-то на весь дом и падая, как дядя Коля Котызин. Мама поспешно унесла маленькую Симу соседке бабе Вале. Баба Валя всегда пускала к себе маму, жалела ее, а отца шугала.

Отец бабу Валю побаивался, у нее младший брат в Твери милиционером работал, и только этим милиционером отца на какое-то время можно было припугнуть и утихомирить. Потому что несколько раз он приезжал к сестре в деревню и даже заходил к ним с мамой — большой-пребольшой, как двустворчатый шкаф. Говорил он, как в бочку гудел, — басовито и раскатисто — про какую-то «тюрягу» и, что удивительно, совсем не пил. Баба Валя говорила про брата: «Больная печень». А когда Сима оказывалась у нее в гостях, что бывало частенько, то ее тоже сажали перед включенным телевизором.

Сима и в самом деле очень любила смотреть фильмы. Как ни странно, они нравились ей гораздо больше, чем мультики.

— Почему, доча? — поинтересовалась как-то Екатерина Сергеевна.

— Ну, мам, мультики же невсамделишные, — объяснила дочка. — А тут все взаправду.

Она искренне считала, что так, как в фильмах, — это и есть взаправду. Даже более взаправду, чем в жизни. Поэтому иногда, когда отец напивался, он представлялся ей каким-то лесным волосатым чудовищем. Он и на маму в ее «собственных филь-

Олег РОЙ

мах» кричал этим словом «шалава», а Сима запомнила, что оно нехорошее. Но она никогда не верила, что ее добрая мама может быть какой-то там «шалавой». Ей представлялось, что это что-то вроде ожившего лохматого шалаша из веток с листьями, такая своеобразная избушка на курьих ножках, в которой сидит злобная крючконогая карга. Карга, подхватив свой шалаш двумя руками, как подол платья, бегала и пиналась лохматыми, как у отца, ногами, обутыми в тяжелые армейские ботинки, добытые им где-то в городе на барахолке. Кто-то, может быть, и посмеялся бы над такой картиной, но Симе было совсем не до смеха — ей было страшно, потому что папа действительно в пьяном угаре сильно пинался. Сколько раз он попадал ботинками маме по коленям, и мама беззвучно плакала, а потом долго и сильно хромала после очередной отцовской бучи.

Симе было очень жалко маму, но что она могла поделать? Ведь никакой добрый молодец никогда не приходил к ним на выручку. И воображаемые «фильмы» постепенно из светлых и радостных становились все более мрачными, а сны сменялись кошмарами, от которых девочка посреди ночи с криком и плачем просыпалась.

— Дядька злой пришел, — сквозь слезы объясняла она перепуганной спросонья маме.

— Какой дядька?

— Дядька папа...

— Не говори так, доча, — вздыхала мать.

— Ладно, не буду, — соглашалась дочь.

Но Сима все чаще про себя так его и называла — «дядька папа». Она даже маме боялась в этом признаться, потому что об этом мог случайно узнать отец, которого Сима со временем стала бояться как огня. И только любимый медвежонок Топ-